

А.А. ЩЕЛЧКОВ

ОТРАЖЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО 1848 года в ЧИЛИ: “ОБЩЕСТВО РАВЕНСТВА”

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В ЧИЛИ В СЕРЕДИНЕ XIX в.

После Войны за независимость Чили из глухой провинции необъятной Испанской империи превратилась в динамично развивающуюся страну, игравшую важную геополитическую роль во всем регионе. Чили была страной, где благотворные преимущества самостоятельности ощущались во всех сферах жизни. Недаром современники называли ее “образцовой республикой” во всей Испанской Америке¹.

Политическая система в Чили приобрела свои специфические очертания после хаоса и гражданских войн 20-х годов XIX в., когда у власти находились либералы, получившие прозвище *пипиолос*². В 1829–1830 гг. в ходе гражданской войны либералы потерпели поражение, и к власти пришли консерваторы (в Чили их называли *пелуконами*, от испанского слова *peluca* – парик) во главе с Д. Порталесом. Идеи Порталеса состояли в создании сверженной президентской, почти монархической власти. Они были воплощены в Конституции 1833 г., которая действовала до 1925 г. Президент избирался на пять лет с правом переизбрания на второй срок. Выборы полностью контролировались местными властями. Все оппозиционные силы фактически были исключены из политической жизни.

Роль конгресса была сведена к обслуживанию решений исполнительной власти. Переизбрание президента стало автоматическим. В результате каждый президент правил десять лет, а затем фактически назначал себе преемника. Порталес видел опору своего режима в католической церкви, предоставив ей массу привилегий и прав. Хотя сам Порталес был убит в 1837 г., его режим просуществовал без изменений до 1861 г.

Экономическое благополучие 30–40-х годов XIX в. в немалой степени связанное с реформаторской деятельностью Порталеса привело к примирению либералов и консерваторов. Избранный президентом в 1841 г. М. Бульнес сумел объединить вокруг себя часть либералов, консерваторов и ультраклерикалов. Умеренность Бульнеса и его политика национального примирения вызвала к жизни движение либерального возрождения.

Начало 40-х годов XIX в. в Чили характеризовалось общественным пробуждением, интенсивной интеллектуальной и политической жизнью. Огромную роль в этом процессе сыграло повальное увлечение молодежи европейскими социальными теориями и литературно-философскими течениями. Либеральная молодежь, студенты образовали 3 мая 1842 г. Литературное общество, сразу же превратившееся в центр общественной и интеллектуальной жизни Чили.

Либералы, особенно молодежь, обратили свою пропаганду на ремесленников, которых рассматривали как политический резерв. Они основали газету “Артесано опоси-

Щелчков Андрей Аркадьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра латиноамериканских исследований Института всеобщей истории РАН.

¹ *D’Orbigny A. Viaje por América del sur*. Madrid, 1958, p. 528.

² “*Pipiolos*” по-испански означает “малютки”, “детки”, “крошки”. Так в 20-е годы XIX в. стали называть пришедших к власти либералов и федералистов, намекая на их “детскую” неопытность.

тор”, выступавшую с резкими антиправительственными заявлениями. Либералы требовали “отмены обязательной гражданской службы для пролетариата и трудящихся”, установления более справедливого и равного распределения богатства³. Ремесленники во главе с либералом М. Герреро создали недолговечное “Общество Кауполикан”, объединившее в своих рядах около 60 членов.

Второе президентство Бульнеса (1846–1851 гг.) было отмечено обострением политической ситуации в Чили. Он отправил в отставку старый кабинет и пригласил своего родственника М.К. Виалья, который создал правительство с участием умеренных деятелей как от консерваторов-пелуконов, так и от либеральной оппозиции. Виаль за четыре года правления создал центристскую партию, поставил под свой контроль часть губернаторов, а после выборов 1849 г. даже конгресс. Бульнес, сам того не желая, руками своего министра создал мощную оппозицию своему режиму в конгрессе и в обществе.

В июне 1848 г. М. Бульнес отправил правительство М.К. Виалья в отставку и поручил консерватору М.А. Токорналю сформировать новый кабинет. К власти вернулось правое крыло консерваторов. Однако политическая ситуация и расстановка сил в стране сильно изменились по сравнению с 30-ми годами, когда господству пелуконов ничто не угрожало. Влияние Французской революции 1848 г., изменение соотношения сил внутри чилийского общества подготовили события бурной политической и общественной борьбы 1850–1851 гг., вошедшие в историю как “чилийский 48-й год”⁴.

Февральская революция 1848 г. в Париже была воспринята в Чили как начало эпохи освобождения, как сигнал к решительным действиям либеральной молодежи против консервативного режима. Влияние французской общественной мысли и литературы в предыдущие годы подготовило идейную почву для политического подъема в стране.

24 октября 1849 г. был создан “Клуб реформы”, большинство членов которого представляло либеральную молодежь. Это было элитарное сообщество. Вступительный взнос в 4,25 песо и ежемесячный в 8 реалов был по карману только богатым людям. Пример европейской революции обратил внимание чилийских либералов на народные низы, на ремесленников. Вполне в духе времени “Клуб реформы” поставил задачу привлечения в политику народных масс, и прежде всего ремесленников. Целью клуба было успешное участие либеральной оппозиции, в том числе и сторонников Виалья, в предстоящих в 1851 г. выборах президента.

Главными пропагандистами идей 1848 г. были вернувшиеся из Европы Сантьяго Аркос и Франсиско Бильбао. Аркос привез в Чили книгу, которая стала пользоваться таким успехом, что ее по своему воздействию на умы людей даже сравнивали со словом Христовым. Речь идет о ныне почти забытом произведении А. Ламартина “История жирондистов”. На родине она вызвала больше критики, нежели приветственных слов, в Чили же стала откровением. Как утверждал историк Ф. Энсина, в Чили не было ни одного культурного человека поколения 1830–1840-х годов, который бы не читал “Жирондистов”⁵.

Чилийские либералы создали культ этой книги. События, описанные Ламартином, и его оценки механически переносились на чилийскую почву. 20 лет спустя Б. Видуэла Маккенна даже написал книгу “Чилийские жирондисты”, где иронично, с высоты прожитых лет и обретенного политического и жизненного опыта описал романтические мечтания молодых либералов. Несмотря на то, что в 1876 г. у Видуэлы Маккенны мало что осталось от революционера 1849–1851 гг., он сохранил высочайшую оценку этой работы Ламартина и ее влияния на чилийских либералов: “Жирондисты

³ El Artesano Opositor, Santiago, № 9, 20.I.1846.

⁴ Последние годы в Чили было опубликовано немало работ, посвященных влиянию европейской революции 1848 г. на чилийскую общественную жизнь. Наиболее интересная из них так и называется “Чилийский 48-й год”: *Gazmuri C. El “48” chileno. Igualitarios, reformistas, radicales, masones y bomberos. Santiago, 1999.*

⁵ *Encina A.F. Historia de Chile, t. XXII. Santiago, 1983, p.71.*

стали пророческой книгой, нечто вроде Евангелия. Ламартин с 1848 по 1858 гг. был полубогом, вроде Моисея”⁶.

Чилийские либералы стали называть друг друга именами деятелей французской революции, правда, не делая при этом различия между жирондистами, якобинцами и прочими. Так, Х.В. Ластаррия был Бриссо, Ф. Бильбао – Верньо, Аркос – Маратом. Любопытен комментарий Викиуни Маккенны по поводу Мануэля Бильбао, брата Франсиско, которого все называли Сен-Жюстом “за его явную схожесть с французским красавцем, за его голубые глаза и длинные волосы”⁷.

Наибольшей популярностью пользовались труды социальных романтиков В. Гюго, Э. Сю, Ж. Буше, П. Леру. Их работы были наполнены чувством христианского сострадания, проповедовали веру в справедливость и равенство, религиозность без догм и культа. Смесь либерализма, социализма и романтизма, характерная для революции 1848 г., привлекала чилийских радикалов, которые во всем стремились подражать французским революционерам.

Особое место среди идолов молодежи занимал выдающийся религиозный реформатор и революционер, основоположник христианского социализма аббат Р.Ф. Ламенне, чьи работы издавались в Чили еще до революции 1848 г. Ламенне призывал обратить свои взоры на пролетариат, на нуждающийся народ, создать социальную систему, которая защитила бы обездоленных. В этом он видел суть и призвание подлинного христианства. Ламенне привнес в чилийский 1848-й год глубокое религиозное чувство в сочетании с антиклерикализмом и отказом от догматизма⁸. В Чили у Ламенне был страстный поклонник и ученик Ф. Бильбао.

Франсиско Бильбао Баркин (1823–1865) вошел в историю как страстный борец с косностью и клерикализмом, как мечтатель, романтик и утопист. Его идейное наследие стало составной частью целого направления в общественной мысли и политической практике в Чили. Годы спустя и чилийская партия радикалов, и социалисты, и коммунисты записали Бильбао в ряды своих идейных предшественников. Его идеи заслуженно завоевали ему место среди самых оригинальных латиноамериканских мыслителей XIX в.⁹

Известность Бильбао принесла публикация в 1844 г. работы “Чилийские общественные нравы”. Эта книга вышла за год до “Цивилизации и варварство” Д.Ф. Сармьенто и повествовала практически о том же – о противоречии между политическими и социальными реалиями чилийского общества и велениями прогресса и просвещения. Сам же Бильбао писал, что это был анализ прошлого и программа его разрушения¹⁰. Антикатолический пафос спровоцировал резкую реакцию консервативно-клерикальных кругов, и даже большинство либералов поспешило осудить эту публикацию.

Власти организовали судебное преследование автора по обвинению в богохульстве, публичное сожжение экземпляров книги во дворе тюрьмы, что придало Бильбао ореол мученика. Суд, приговорив Бильбао к уплате штрафа, либо за неимением средств к тюремному заключению, был вынужден отпустить его после того, как сочувствующие в зале заседаний собрали нужную сумму и триумфально на руках вынесли его из здания суда. Клерикальное издание “Ревиста католика” писало: “На площади собралось немало людей поддерживавших молодого Бильбао... Плебс, не понимая, что делает, называл его то защитником веры, то отцом бедняков”¹¹. Поражение в суде обернулось победой. Однако церковники возбуждали народ против него, и Бильбао предпочел уехать из Сантьяго, а затем покинул Чили¹².

⁶ *Vicuña Mackenna B.* Los girondinos chilenos. Santiago de Chile, 1989, p. 33.

⁷ *Ibid.*, p. 51–62.

⁸ *Abramson P.-L.* Las utopías sociales en América Latina en el siglo XIX. México, 1999, p. 187.

⁹ Подробнее о взглядах Ф. Бильбао см.: *Щелчков А.А.* “Свобода в равенстве или равенство в свободе”. Утопия Франсиско Бильбао. – Латинская Америка, 2010, № 1.

¹⁰ *Figuerola P.P.* Diccionario biográfico de Chile, t.1. Santiago de Chile, 1897, p. 224.

¹¹ *La Revista Católica*, Santiago, 1.VII.1844, p. 253.

¹² *De la Barra E.* Francisco Bilbao. Sociabilidad chilena. Valparaíso, 1913, p. 17.

В начале 1845 г. Бильбао прибыл в Париж. Он оказался в кругу самых выдающихся и известных политиков и мыслителей – республиканцев, подготовлявших революцию 1848 г. Огромное влияние на него оказала личная встреча с Ламенне, которого он воспринимал как живого пророка, как воплощение современной святости. Верность дружбе с Ламенне, почитание его имени и идей Бильбао пронес через всю свою жизнь.

Революция во Франции 1848 г., в которой сочетались различные политические элементы, либерализм, социально-христианские доктрины и утопический социализм, оказала решающее влияние на дальнейшую идейную эволюцию Бильбао в направлении социальной утопии эгалитарного республиканизма. Разгром июньского восстания в Париже, наступление бонапартистской реакции вызвали у Бильбао острый духовный кризис. Разочарованный и уставший от бедности Бильбао с удовольствием принял предложенную властями Чили должность в таможне в Сантьяго и вернулся в страну. 12 февраля 1850 г. Бильбао прибыл в Вальпараисо. В Чили он попал в бурлящий политический котел.

Большое место в идейном наследии Бильбао занимают его общественно-политические построения, его собственная социальная утопия. Будущее общество по Бильбао должно быть ассоциацией равных и свободных собственников, без пролетариев и капиталистов. По его идее, в будущем государстве равенства и свободы человек будет “суверенным в своем труде, т.е. не будет эксплуатироваться капиталом, а пользоваться общественным кредитом под поручительство ассоциации трудящихся”¹³. Таким образом будут достигнуты свобода в равенстве и равенство в свободе.

Бильбао создал свою утопию идеального государства равенства и братства. Он считал, что только прямое управление народа – единственная подлинная демократия. По мнению Бильбао, народ должен принимать все законы и сам же их выполнять. Орган новой власти – это трибунал, а его члены избраны с императивным мандатом, готовят законы, а затем представляют свои решения на голосование всего народа. Трибунов (членов трибунала) можно отозвать, переизбрать полностью всех или частично, как только того захотят граждане. Страна делится на территориальные секции-округа. Секции принимают свои местные законы всеобщим голосованием, общенациональные законопроекты становятся законом после согласия всех секций и общенационального голосования (референдума). Раз в месяц все граждане должны были собираться в особых местах, где бы обсуждались законопроекты, а затем бы по ним они голосовали¹⁴.

В основе общественного устройства новой республики – ассоциация и солидарность. Утопия Бильбао представляла собой систему самоуправления и прямого народовластия. Его трибуналы вдохновлялись опытом греческого полиса, но в основу функционирования были положены идеи ассоциации и социальной солидарности. Этот проект ставит Бильбао в один ряд с выдающимися утопистами XIX в.

Другой ключевой фигурой “чилийского 48-го года” был Сантьяго Аркос Арлеги (1822–1874)¹⁵. Молодой Сантьяго получил неплохое для того времени образование в Европе. Во Франции Аркос увлекся революционными идеями. В 1845 г. на одном из собраний республиканцев Аркос познакомился со своим будущим соратником и другом Ф. Бильбао. В отличие от Бильбао молодого Аркоса мало привлекали проповеди мятежного аббата Ламенне, он стал поклонником Фурье, которого считал интеллектуальным “колоссом XIX в.”¹⁶

Накануне революции во Франции, в феврале 1848 г., Аркос вернулся в Чили. В Сантьяго он считался одним из “афрансесадос”, модных молодых людей, получивших образование в Европе и шокировавших местное общество своими радикальными взглядами. Аркос вел богемный образ жизни, слыл ловеласом и денди. Один из современников

¹³ *Bilbao F. Obras completas*, t. 1–2. Buenos Aires, 1865, t. 2, p. 439.

¹⁴ *Ibid.*, t. 1, p. 255, 257–258.

¹⁵ Подробнее о С. Аркосе см.: *Щелчков А.А.* Сантьяго Аркос – чилийский либерал и романтик. – *Латинская Америка*, 2007, № 7, с. 85–95.

¹⁶ *Arcos S. Carta a Francisco Bilbao y otros escritos*. Santiago de Chile, 1989, p. 130.

писал: «Франсиско Бильбао и Сантьяго Аркос одевались во фраки с золочеными пуговицами, сшитые по моде “а ля Робеспьер”; носили низкие фетровые шляпы в стиле Демулена, белые узкие штаны, которые были символом крайнего республиканизма. Длинные волосы покрывали их плечи в стиле романтизма»¹⁷.

Аркос предлагал проект радикальных реформ, которые могли стать залогом достижения свободы, равенства и братства, построения общества гармонии всех классов. Чили, по убеждению Аркоса, нуждалась в социальных реформах: «Для создания стабильного правительства, которое сможет обеспечить мир и безопасность крестьян, ремесленников, шахтеров, торговцев, капиталистов, нам нужна революция, энергичная и быстрая, она вырвет с корнем зло, от которого происходит бедность, невежество, деградация населения Чили». Он призывал власти организовать кредит и приступить к перераспределению собственности. Целью этой политики должно было стать искоренение бедности в Чили¹⁸.

В первую очередь Аркос предлагал провести радикальную аграрную реформу: «Необходимо изъять землю и скот у богатых и распределить их среди бедных». При этом бывшим собственникам планировали возместить стоимость отобранного имущества. За изъятую землю он предлагал выплачивать деньги в течение 50 лет, при 5% годовых. Аркос считал справедливым оставлять бывшим помещикам такие же участки, как те, что будут передаваться крестьянам. Все владельцы земли должны быть равны в своих правах и в имущественном положении. Это будет подлинной революцией¹⁹. В результате предлагавшихся реформ должно было возникнуть эгалитарное общество, состоящее из собственников-тружеников, общество всеобщего благоденствия и равных возможностей.

Главным в политическом кредо Аркоса был тезис о свободной личности, о гражданине в свободном муниципалитете. В письме к выдающемуся чилийскому общественному деятелю М.Л. Амунатеги в 1853 г. Аркос настаивал, что необходимо ликвидировать сильную центральную власть, передав полномочия, в том числе ведение экономической политики, в муниципалитеты²⁰. Он предлагал отменить деление страны на провинции, заменив его на ассоциацию автономных муниципалитетов, где демократическая власть в большой степени зависела бы от граждан и была бы максимально приближена к ним. Его идеи были близки федерализму Прудона. Дополнением к политическим преобразованиям должна была стать судебная реформа, вводящая повсеместно суд присяжных, даже для неграмотных крестьян и ремесленников²¹. Осуществление этого плана, по его мысли, должно было привести к установлению эгалитарной республики и экономического равноправия.

СОЗДАНИЕ “ОБЩЕСТВА РАВЕНСТВА”

В упоминавшийся выше “Клуб реформы” входила группа радикальной молодежи, неформальным лидером которой был Аркос. Хотя умеренный характер клуба, стиль салона вполне импонировал этой группе “золотой молодежи”, сторонники Аркоса все более разочаровывались в эффективности и в целях этого общества. В марте 1850 г. Аркос предложил своим соратникам создать собственную организацию. Его инициатива была с энтузиазмом поддержана молодыми либералами. К ним присоединился Ф. Бильбао.

Первая инициативная группа в составе С. Аркоса, Ф. Бильбао, Э. Лильо, Х. Сапиолы, рабочего-шляпника А. Ларречеа и “швейных дел мастера” С. Серда решила создать “Общество равенства”, отмежевываясь от старых, казавшихся вечно проигравшими либералов-пипиолос, с первых шагов подчеркивая свое принципиальное отличие от

¹⁷ *Gazmuri C.* Op. cit., p. 81.

¹⁸ *Arcos S.* Op. cit., p. 69, 137.

¹⁹ *Ibid.*, p. 107–109.

²⁰ Archivo Nacional de Chile (далее – ANCH), Archivo Fernández Larraín, v. 114, f. 4.

²¹ *Arcos S.* Op. cit., p. 66.

либералов. Одним из таких признаков была провозглашенная “Обществом” ориентация на рабочих и ремесленников. К инициаторам “Общества” через два дня добавились известные своим радикализмом и бунтарством лидер ремесленников, либерал-пипиоло М. Герреро, а также ремесленник Р. Рохас. Председателем “Общества” был избран Лильо, секретарем – Бильбао, а вице-секретарем – Сапиола.

Устав “Общества” провозглашал: “Цель нашего объединения – это стремление к жизни в братстве среди людей, победа этого принципа в наших политических и социальных институтах, в нравах и науках”²². Согласно Сапиоле, Бильбао предложил включить в устав весьма характерные для его взглядов принципы, которыми должны были руководствоваться все игуалитарии²³, так стали называть себя члены “Общества”: “Признание: первое, суверенитета разума как высшего авторитета и власти; второе, народного суверенитета как основы в политике; третье, любви и всеобщего братства как принципа моральной жизни”²⁴. Первый принцип многие оспаривали, считая его слишком декларативным и малополезным, понимая, что он направлен против влияния церкви. Однако Бильбао настаивал, и благодаря поддержке ремесленников, которые слепо ему верили, этот тезис был признан большинством голосов. В этих предложениях Бильбао наметился идеологический тренд будущего “Общества”: приверженность идеям просвещения, французской революции и христианского социализма.

Игуалитарии заявили о новой организационной форме “Общества”, приняв за образец европейские клубы времен, предшествовавших революции 1848 г., а также движение карбонариев. Аркос предложил разделить организацию на районные ячейки по 24 человека в каждой. Эти группы имели право создавать комиссии, проверять деятельность центрального руководства, основывать дочерние ячейки. Впервые в Чили предлагалось создать территориально структурированную партию, опирающуюся на целую сеть низовых организаций. Это было в теории, но на практике не соблюдалось. Группы напоминали привычные тертулии, частные клубы, салоны.

Было предложено проводить регулярные собрания всех членов “Общества” 1 и 15-го числа каждого месяца, если не будет идти дождь (собирались под открытым небом). Первое собрание состоялось 6 апреля 1850 г., когда “Общество” впервые заявило о себе во всеуслышание. Такие собрания напоминали массовые митинги современной эпохи, но до того дня они были неизвестны в Чили. Для координации был создан Руководящий совет из девяти “директоров”, трое из которых были ремесленниками. Совет назначал председателя каждого общего собрания. Первым председателем был избран Аркос.

1 апреля 1850 г. “Общество” стало издавать свою газету “Амиго дель пуэбло” (Друг народа). Символика названия должна была подчеркнуть связь игуалитариев с идеалами Французской революции. Первая редакционная статья подчеркивала актуальность для Чили повестки дня европейской революции 1848 г. и, прежде всего, лозунга “социальной республики”. Газета писала: “Если мы встретим жесткую ненависть в отношении социальной республики, то мы обратимся к народу и будем действовать через народ. Мы верим в победу принципов социальной республики и верим в светлое будущее и процветание для рабочих... Мы во весь голос провозглашаем революцию и принимаем звание революционеров... но мы ненавидим революцию за насилие, а наша единственная цель – это прогресс идей и прогресс жизни людей, но в мирных условиях”²⁵. Здесь очевиден дискурс социализма 1848 г. “Общество равенства” заявляло о себе как об организации нового типа, стремящейся не к политической власти, а к социальным реформам, которые должны привести к построению общества братства и равенства, т.е. эгалитарной республики.

“Общество равенства” в отличие от старых либералов приложило максимум усилий, чтобы вовлечь ремесленников в общественную жизнь. Именно рабочий класс, как

²² Zapiola J. La sociedad de la igualdad y sus enemigos. Santiago de Chile, 1902, p. 11.

²³ От испанского “igualdad” – “равенство”.

²⁴ Zapiola J. Op. cit., p. 10.

²⁵ Amigo del pueblo, Santiago, 1.IV.1850.

писали игуалитарии, заинтересован в социальном прогрессе, в трансформации общества на основе самоорганизации и ассоциации, при этом он равнодушен к политическим дразгвам между либералами и консерваторами. “Общество” очень быстро набирало общественный вес. С момента своего создания оно привлекло внимание всех слоев населения. Если в апреле число членов достигло 200 человек, то к июню оно удвоилось, а в июле в рядах “Общества” насчитывалось 600 человек²⁶. Появились подобные клубы и в других городах: Вальпараисо, Сан-Фелипе, Ла-Серене.

Как утверждал чилийский историк и свидетель тех событий Д. Баррос Арана, первыми, кто откликнулся на создание “Общества равенства”, были ремесленники-мастера и владельцы мастерских, так как это были близкие либералам люди, к тому же читавшие газеты и увлекавшиеся передовыми идеями. И уже затем они привлекли в “Общество” собственно трудящиеся массы²⁷. Деятельность “Общества равенства” является переломным моментом в процессе разрушения традиционных форм социализации ремесленников, их политической и социальной мобилизации через цеха, систему кумовства и других архаических инструментов взаимосвязи. Игуалитарии успешно осуществили атомизированный, индивидуалистический подход к вовлечению низов в политику и общественную жизнь.

Со временем среди руководителей секций число ремесленников станет более значительным. Если в первом Совете их было трое из девяти, то впоследствии руководителями разных групп был 21 ремесленник²⁸. Секции “Общества” создавались даже в очень бедных пригородах, как, например, Ла-Чимба, где редко жили относительно зажиточные ремесленники. Главным энтузиастом идеи привлечения народных масс в “Общество равенства” был Аркос. Он заявлял: “Пришло время, когда рабочий класс приобретает осознание своей силы и власти”²⁹.

Одной из важных идейных основ “Общества равенства” на первом этапе была критика положения рабочего класса, его бесправия и невежества. Игуалитарии сразу же заявили о себе как о защитниках простого люда. “Амиго дель пуэбло” писала: “Те, кто смотрит свысока на рабочий класс, люди без чести, они не видят никого достойного вне своего круга. Мы же постоянно общаемся с народом и видим его способности и дарования, мы живем общими с ним надеждами”³⁰. Игуалитарии, и особенно Аркос, много говорили о несправедливости и угнетении рабочих и ремесленников, что было новой темой в политической жизни Чили.

Важнейшим программным пунктом игуалитариев было просвещение народа, которое виделось ими как первый необходимый шаг в деле его освобождения. “Амиго дель пуэбло” отмечала, что в Чили доступ к образованию имеют только те ремесленники, “что работают в мастерских”³¹ или же являются владельцами таковых... а это ничтожно малое число по сравнению с огромным большинством угнетенного народа”. Единственное средство для просвещения народа, утверждала газета, – это бесплатные школы. Игуалитарии стали создавать образовательные группы и школы, в которых помимо грамоты следовало пропагандировать “священные республиканские принципы”³². Именно тому просвещения с энтузиазмом поддерживали ремесленники. Ни вопросы собственности, ни церковной политики их особенно не волновали, а вот просвещение представлялось единственным способом повышения своего социального статуса.

²⁶ Encina A.F. Historia de Chile, t. XXIII. Santiago, 1984, p. 90.

²⁷ Barros Arana D. Un decenio de la historia de Chile (1841 – 1851), t. 2. Santiago de Chile, 2003, p. 255.

²⁸ Gazmuri C. Op. cit., p. 81.

²⁹ Sanhueza G. Santiago Arcos. Comunista, millonario y calavera. Santiago de Chile, 1956, p. 136.

³⁰ Amigo del pueblo, 27.IV.1850.

³¹ Имеются в виду входящие в цеха, между тем как существовала огромная масса поденщиков, рабочих и ремесленников вне цехов, в основном в пригородах, за стенами города.

³² Amigo del pueblo, 20.V.1850; 28.IV.1850.

Игуалитарии создали бесплатные курсы по разным специальностям. На них обучали чтению, письму, арифметике, географии, истории, черчению, иностранным языкам, музыке и даже танцам. Также были открыты курсы повышения квалификации для ремесленников. Один из руководителей “Общества” Рохас вел курсы портняжного дела. Эти классы были бесплатными сначала только для членов “Общества”, но затем в сентябре открыли свои двери для всех желающих. К этому времени их посещали 300 человек, а после открытия для всех за две недели число учеников удвоилось. Игуалитарии утверждали, что просвещение – лишь первый этап в деле освобождения, ибо “даст нам понимание наших прав, которые гарантируют законы”³³.

Бильбао, выступая на одном из заседаний конца мая, заявил: “Надо дать образование простым людям, чтобы они смогли работать самостоятельно, а не быть эксплуатируемыми всю жизнь крупными собственниками”. Этот тезис выражал чаяния ремесленников найти спасение перед разоряющим мелких производителей наступлением фритредерского капитализма и соответствовал представлениям об эгалитарной республике равных в политическом и имущественном положении граждан. По утверждению М. Бильбао, эти слова его брата с энтузиазмом были встречены ремесленниками, они сделали из Ф. Бильбао вождя “Общества” и всего простого народа³⁴.

Проекты конкретных реформ были самыми разнообразными. Бильбао предлагал создать общественные бани, чтобы улучшить гигиену в городах, особенно в рабочих предместьях. Аркос ратовал за создание государственных социальных фондов, банков для обеспечения выплат по старости, сиротству или вдовству. Рохас предлагал создать “рабочий банк”, который обеспечил бы беспроцентный кредит³⁵. Спустя год на процессе против игуалитариев защита подчеркивала, что цели “Общества” состояли в том, чтобы “всеми средствами искать облегчение положения рабочего класса, в частности предложить создание специального благотворительного банка для сохранения и стимулирования сбережений рабочих, а также помощи нуждающимся”³⁶.

Главной же реформой, по мнению игуалитариев, должно было стать расширение полномочий муниципалитетов, создание всеобщей системы самоуправления граждан. В них власть ближе к народу, но в Чили “кабильдо”³⁷ лишены власти”. Между тем нужен “институт, который будет народной организацией, будет защищать бедные классы”. Необходимо реформировать всю систему власти в Чили, освободив муниципалитет от опеки центрального правительства. Суть муниципальной реформы состояла в утверждении самоуправления граждан, их объединения и солидарности на основе ассоциации³⁸. В этом проекте игуалитарии шли за французскими социалистами, за Прудоном.

Игуалитарии не уставали повторять, что их идеалом является демократическая и социальная республика. Хотя игуалитарии постоянно подчеркивали свой нейтралитет в отношении противоборствующих партий либералов и консерваторов, их позиция в защиту бедняков, рабочих вынуждала их высказываться о господствующем в Чили режиме. “Амиго дель пуэбло” писала: “В Чили царит ужасная тирания, которая давит именно на бедняков”³⁹. Критика власти и церкви нарастала с каждым днем. Игуалитарии все более втягивались в политическую борьбу, а изначально они хотели ее избежать.

Конфликт с церковью разразился в конце апреля 1850 г. 24 апреля “Амиго дель пуэбло” опубликовала “Слова верующего” Ламенне. Церковь обрушилась на “Общество” с проклятиями. Испанский посланник в Чили отмечал огромный резонанс этой публикации: “Многие перестали читать эту газету (“Амиго дель пуэбло”. – *А.Щ.*), а другие

³³ Zapiola J. Op. cit., p. 20.

³⁴ Bilbao M. Vida de Francisco Bilbao, t. 2. Iquique, 1900, p. 18.

³⁵ Gazmuri C. Op. cit., p. 79; Varona A.J. Francisco Bilbao. Revolucionario de América. Vida y pensamiento. Estudio de sus ensayos y trabajos periodísticos. Buenos Aires, 1973, p. 115.

³⁶ ANCH, Fondo Archivo Santa Maria, A.5802.

³⁷ Кабильдо – муниципальный совет в городах Испанской Америки.

³⁸ Amigo del pueblo, 3.V.1850.

³⁹ Amigo del pueblo, 10.V.1850.

сблизились с правительством, хотя до этого были в оппозиции, чтобы не попасть под отлучение от церкви”⁴⁰. Однако настоящий кризис в отношениях с церковью, имевший далеко идущие последствия и для внутренней жизни “Общества равенства”, наступил в конце мая, когда в “Амиго дель пуэбло” Бильбао опубликовал свой антикатолический памфлет “Бюллетени духа”⁴¹.

Церковь официально объявила об отлучении Бильбао и запретила всем верующим общение с ним. После этого Бильбао посетил одну из групп “Общества равенства”, ее членом был священник по фамилии Ортис, который пожал руку лидеру игуалитариев. За это епископ посадил Ортиса в тюрьму. Клерикалы заклеили Бильбао еретиком и чилийским Ламенне, “а некоторые сравнивали его с Бланом, Леру и Мадзини”⁴². Конфликт с Церковью совпал с усилением разногласий внутри “Общества равенства”.

Часть игуалитариев, прежде всего старые пипиолос во главе с Герреро, без энтузиазма воспринимали социальные проекты “Общества”. Им не терпелось включиться в политическую борьбу, вовлечь в нее своих сторонников из народа, чего так не доставало либеральному движению. Эти настроения привели к кризису в самом “Обществе”. Воспользовавшись шумом вокруг “Бюллетеней духа”, либералы попробовали установить свой контроль над “Обществом равенства”. Герреро предложил исключить Бильбао из общества⁴³. На собрании игуалитариев в его защиту выступили Лильо, Рекабаррен, Аркос и ремесленники. Особенно ярко выступили Аркос и рабочий Лопес, который сказал, что ремесленники пойдут за Бильбао, как евреи за Моисеем⁴⁴. Была принята примирительная формула: в своей публикации Бильбао выражал личную точку зрения, а не всего “Общества”. Акция с исключением провалилась, а позиции Бильбао укрепились. Чтобы отвести от “Общества” угрозу репрессий властей, после публикации “Бюллетеней духа” было решено прекратить выпуск “Амиго дель пуэбло”, последний номер которой увидел свет 3 июня 1850 г. Одновременно из руководства “Общества” ушел редактор газеты Лильо. Его место занял депутат конгресса и видный либерал Р. Виаль. Эти два события свидетельствовали о начале нового этапа в деятельности “Общества равенства”.

С закрытием “Амиго дель пуэбло” закончился “социалистический” этап “Общества равенства”. Сменившая ее газета “Ла Барра” (Прут) была уже сугубо политическим изданием. Аркос протестовал против этой тенденции. Общество, утверждал Аркос, показало, что в политике верховодят только богатые, которые принимают во внимание лишь свои собственные интересы: “Сегодня бедные не имеют своей партии. Ни пипиолос, ни пелуконы таковой не являются”⁴⁵.

Если в первый период, с апреля по июнь 1850 г., у игуалитариев наряду с либеральными идеями особой популярностью пользовались социал-христианские и социалистические утопические теории, то после кризиса конца мая либеральное преобладание стало очевидным. И хотя “Ла Барра” продолжала утверждать, что “Общество равенства” является объединением рабочих, не имеющих ни желания, ни интереса выступать на стороне одной из политических партий⁴⁶, в действительности перемены, происшедшие со вступлением в его ряды Виалья, имели своим последствием постепенный сдвиг “Общества” в сторону своих естественных союзников, либералов.

⁴⁰ Archivo General del Ministerio de Asuntos Exteriores y de Cooperación de España (далее – AGMAEC), Madrid, España, Fondo Correspondencia y legaciones, Chile, 1838 – 1855, Signatura H.-1437, № 167.

⁴¹ Amigo del pueblo, 28.V.1850; 29.V.1850.

⁴² *Mazade Ch.* Le socialisme dans l’Amérique du Sud. – Revue de deux mondes, t. XIV. Paris, 1852, p. 647–649.

⁴³ *Bilbao M.* Op. cit., t. 2, p. 16.

⁴⁴ *Donoso A.* Bilbao y su tiempo. Santiago de Chile, 1913, p. 98.

⁴⁵ *Arcos S.* Op. cit., p. 77.

⁴⁶ La Barra, Santiago de Chile, 14.VI.1850.

Массовое вступление либералов в “Общество равенства”, превращение его в аристократический клуб вызвало различную реакцию у его лидеров. Бильбао с его путанными социал-христианскими взглядами приветствовал расширение рядов “Общества”, постепенно вовлекаясь в политику. Другие лидеры, Герреро, Сапиола, Прада, с энтузиазмом приняли стратегию борьбы за власть, ибо не видели реальных достижений на попрание создания “ассоциаций” и просвещения. Им была ближе по духу конспиративная и революционная деятельность. Этот вираж отрезал от активных действий ремесленников и рабочих, являвшихся главной опорой “Общества”. Преданность ремесленников столицы Бильбао, конечно же, позволила сохранить их участие в “Обществе”, но они уже не отождествляли себя с его руководством и новыми целями.

В июне 1850 г. стала очевидной смена приоритетов в деятельности “Общества”, его вовлечение в политическую борьбу. Это почувствовал Аркос и, предупреждая об этой опасности, в июне выступил с заявлением, в котором настаивал на приоритете общественных, а не политических целей “Общества”, а главное на отказе от политического насилия. Цель этого заявления состояла в том, чтобы предупредить новых членов, вступающих в “Общество” либералов, что их цели отличаются от принципов игуалитариев и они должны уважать идеи “Общества”. Все поддержали Аркоса, но разговоры в салонах, на собраниях были уже совсем иными, нежели ранее. Прочие руководители, в том числе и Бильбао, с легкостью восприняли эти перемены. Аркос понял свое одиночество и самоустранился от руководства.

“Общество равенства” все более подчинялось логике традиционной для Чили борьбы с ее каудильзмом, конспиративностью, главенством олигархических кланов. Изменилась и риторика игуалитариев. Все чаще они отреклись от социалистических теорий: “Про нас говорят, что мы пропагандируем социалистические идеи, что мы хотим поднять восстание против церкви и государства, что мы подстрекаем против богатства и преувеличиваем нищету народа. А между тем наша цель – всеобщее благо”⁴⁷. Стремительный рост влияния игуалитариев, их решающая роль в политической борьбе стала возможной благодаря массовому вступлению в их ряды либералов. Если бы этого не произошло, то, возможно, этот эксперимент не продержался бы столько времени, ибо путанные социал-христианские и утопические социалистические идеи привлекали, но в них так же быстро разочаровывались. Новая программа была чисто либеральной, но реалистической, без всяких утопий и фантазий.

Тесный союз многочисленного “Общества равенства” с извечными врагами правительства пипиолос крайне обеспокоил власти. Перед лицом этой опасности проправительственные силы сплотились вокруг М. Монтта. Епископат, преодолевая антипатию к нему, решил поддержать его кандидатуру на предстоящих выборах. Хотя электоральная машина полностью контролировалась правительством, опасность исходила от радикально настроенных либералов и игуалитариев, готовых прибегнуть к насильственным действиям. Уже в июне интендант Сантьяго дал распоряжение полиции следить за всеми собраниями рабочих.

Правительство стало готовиться к открытой конфронтации с “Обществом равенства”. Кризис разразился в августе 1850 г., когда активность игуалитариев стала очень заметной. После общих собраний они устраивали многочисленные шествия по центру города. Пробой сил консерваторов и игуалитариев стали события 19 августа 1850 г. В этот день состоялось очередное общее собрание, на котором присутствовало 800 человек. Из них половина были ремесленники. Обсуждался вопрос о проекте создания промышленных банков для льготного кредитования ремесленников. Как писала листовка игуалитариев, на этом собрании “царило подлинное братство, здесь не было классов, все были братья, не было привилегированных, все равные граждане, это наши ремесленники, пролетариат”⁴⁸.

⁴⁷ La Barra, 9.VII.1850.

⁴⁸ ¡Atentado Inaudito! Impr.Progreso, Santiago, 1850.

Спокойный ход обсуждения прервал личный парикмахер Монтта, потребовавший допустить его на собрание, но его выгнали. Он вернулся с тремя полицейскими, которые арестовали одного члена “Общества”. Собрание было прервано, и люди стали расходиться. Остались лишь 20 человек, в основном лидеры, в том числе Ф. Бильбао, Р. Виаль, М. Герреро, Х. Сапиола. Вдруг на них напала банда из 30 человек с палками и ножами. Трое полицейских стали сражаться на стороне игуалитариев. В результате побоища девять нападавших были арестованы⁴⁹. Схваченные нападавшие оказались переодетыми солдатами, которые признались, что действовали по приказу свыше.

Этот эпизод с арестом нападавших и последовавшее затем судебное преследование были крайне неприятны правительству. Общественное мнение было на стороне игуалитариев. И если целью этой провокации был запрет “Общества”, то эффект получился обратным: ряды членов “Общества” стали стремительно расти. В него вступили либералы депутаты конгресса. Ремесленники вновь с энтузиазмом обратились к “Обществу”. Они рассчитывали, что в союзе с либералами, т.е. с частью элиты, они смогут улучшить свое положение, демократизировать страну, добиться некоторых целей “Общества равенства”. К концу сентября в “Общество” входили 2 тыс. человек, а затем 3,4 тыс., что невероятно много, учитывая, что население Сантьяго не достигало и 80 тыс. человек.

26 августа состоялось очередное заседание “Общества”, которое проходило в приподнятом настроении. Лидер либералов Ластаррия в “Дневнике” отмечал: на собрание пришло более 1 тыс. человек, вся улица была запружена народом, а власти привели войска в боевую готовность. Ластаррия заключал: “Это общество – единственное орудие, которое осталось у оппозиции”⁵⁰. У игуалитариев было ощущение близкой победы и осознание собственной силы. Вновь в лексикон лидеров вернулись слова о равенстве, братстве, ассоциации и свободном труде. Все свидетельствовало о возвращении в “Общество” духа 1848 г.

Помимо Сантьяго тревожная ситуация складывалась в городе Сан-Фелипе, в провинции Аконкагуа, на севере от столицы. Там еще в июне была организована секция “Общества равенства” (называлась “Общество Аконкагуа”). Местные игуалитарии даже издавали собственную газету. В этот клуб в Сан-Фелипе сразу же вступили почти все либералы провинции. В отличие от Сантьяго, в Аконкагуа либералы сразу же включились в политическую борьбу с властями и мало внимания уделяли социальным темам, просвещению и другим проектам. Естественной реакцией местных властей были репрессии и притеснения самого “Общества” и его лидеров. 26 июня власти закрыли типографию, где игуалитарии печатали свою газету⁵¹. Затем интендант Аконкагуа арестовал издателя газеты и одного из местных лидеров игуалитариев Р. Лару.

В ответ столичное “Общество” организовало кампанию солидарности с Сан-Фелипе, оно печатало отчеты о собраниях в Аконкагуа, протестуя против обрушившихся на своих товарищей репрессий⁵². “Общество равенства” прибегло к помощи своих союзников, либералов-депутатов конгресса, которым удалось добиться слушаний в парламенте по делу интенданта.

Обсуждение этого дела совпало с событиями 19 августа – нападением на собрание “Общества” в Сантьяго. 21 августа 26 голосами против 21 Палата депутатов осудила действия интенданта за его деспотизм и нарушение прав граждан. Это было серьезным поражением правительства, первым за все время существования консервативного режима. Однако для обретения силы закона эта резолюция должна была быть утверждена в сенате, где правительственный контроль был абсолютен. 12 сентября началось обсуждение. Общественная обстановка была столь накалена, что власти ввели в столицу войска. 13 сентября сенат отказался утвердить резолюцию нижней палаты.

⁴⁹ Horrroso atentado, Santiago, 20.VIII.1850.

⁵⁰ Lastarria J.V. Diario político. 1849–1852. Santiago, 1968, p. 96–97.

⁵¹ ANCH, Ministerio del Interior (далее – MI), v. 284.

⁵² La Barra, 28.VII.1850; 29.VII.1850.

Власти все же пошли на уступки и сменили интенданта Аконкагуа. Однако эта провинция оставалась “горячей точкой”. Игуалитарии созывали многочисленные собрания, издавали листовки, а тон их становился все более агрессивным⁵³. Дело осложнялось приближавшимися выборами, на которых в Сан-Фелипе мог победить кандидат оппозиции. Новый интендант не хотел, чтобы на вверенной ему территории победили либералы⁵⁴. Он издавал листовки, в них “добропорядочные граждане” якобы призывали власти пресечь деятельность подрывного “Общества равенства”, которое в Аконкагуа “потеряло чувство меры”⁵⁵. Напряжение в Сан-Фелипе усиливалось, обстановка обострялась с каждым днем, дело шло к вооруженному восстанию.

ЗАПРЕТ “ОБЩЕСТВА РАВЕНСТВА” И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Между августом – ноябрем 1850 г. проводились многотысячные собрания и шествия игуалитариев по улицам Сантьяго. Газета “Ла Барра” открыто выступала с апологией революции как способа подтолкнуть проведение реформ, от чего ранее игуалитарии категорически отреклись. Газета писала: “Революции всегда имеют социальную тенденцию; подлинными революциями свершает народ, а до сих пор в Чили народ как бы и не существовал. Что даст революция стране? Она введет простые, либеральные и равные для всех законы... она будет способствовать развитию просвещения, промышленности и нравственности”⁵⁶.

Власти, в свою очередь, стали готовиться к худшему сценарию развития событий. Ночью 20 сентября 80 видных оппозиционеров-либералов собрались на тайное совещание, где решили вступить в “Общество равенства”, ставшее, по их мнению, ударной силой оппозиции. На следующий день правительство, обвинив либералов в заговоре, арестовало несколько офицеров и командующего Гражданской гвардией Сантьяго за связи с заговорщиками⁵⁷. Правительство чувствовало себя как в осажденной крепости.

С углублением противостояния с властями в “Обществе равенства” вновь возобладала социалистические настроения. Как и в апреле–мае, игуалитарии обратились к массе ремесленников и рабочих, главной своей опоре. Игуалитарии настаивали, что их клуб есть зародыш, образец будущей эгалитарной Демократической республики в Чили. “Ла Барра” утверждала: Чили должна была стать федерацией муниципалитетов и свободных ассоциаций граждан⁵⁸.

Собрания “Общества” проходили при массовом стечении народа. 14 октября состоялось очередное общее собрание, на котором присутствовало 1,5 тыс. человек, невиданное количество людей для политических акций в Чили в те годы. После общего собрания игуалитарии колонной прошли по центральной улице города Аламеде. Викиуна Маккенна так описывал это шествие: “Во главе шел Франсиско Бильбао в своем любимом летнем костюме, в голубом фраке и белых брюках (одеяние, символизировавшее мир, он представлял как небесный символ, как голубь мира). Он нес как апостол, охраняющий тело Христово, хоругвь – небольшое древо свободы, штандарт, вышитый цветным бисером”⁵⁹.

После массовых шествий власти решили ограничить легальные возможности для политической деятельности. 25 октября интендант столицы запретил всякие шествия, а также постановил, что на заседания “Общества равенства” могут прийти все желаю-

⁵³ Aviso a la gente honrada, San Felipe, 5.X.1850.

⁵⁴ ANCH, Archivo Santa Maria, A5802.

⁵⁵ Nuevas noticias de Aconcagua, [s.n.], 1850.

⁵⁶ La Barra, 6.IX.1850.

⁵⁷ AGMAEC, Fondo Correspondencia y legaciones, Chile, 1838–1855, Signatura H.-1437, № 167.

⁵⁸ La Barra, 2.X.1850.

⁵⁹ *Vicuña Mackenna B.* Historia de la jornada del 20 de abril de 1851: una batalla en las calles de Santiago. Santiago de Chile, 2003, p. 148.

щие, даже не его члены. Последнее могло означать фактическую смерть общества, так как правительство присылало своих агентов, которые срывали собрания. Игуалитарии направили протест против этого распоряжения, вновь повторив, что их целью является лишь просвещение простого народа, а не участие в политике⁶⁰. Возмущение нарушением конституционных прав заставило власти отменить эти запреты.

Через два дня, 28 октября, состоялось самое многочисленное общее собрание “Общества”, ставшее последним в его истории. Собралось 2,5 тыс. человек (М. Бильбао утверждал, что пришли 4 тыс., что представляется маловероятным⁶¹). Собрание по предложению Герреро приняло жесткую, выдержанную в резких тонах резолюцию против кандидатуры Монтта. Она подтолкнула правительство к решению о запрете “Общества равенства”. Правительство мобилизовало армию. Сантьяго походил на оккупированный город. В ответ Ф. Бильбао со свойственной ему театральностью взял в руки цветы и заявил, что на ружья игуалитарии ответят цветами.

Игуалитарии, видя широкую народную поддержку, уже сами желали прямого столкновения с властями. Ф. Бильбао заявлял, что единственное, чего он страстно желает, так это объявления правительством осадного положения. Он утверждал, что тут же приведет на площадь 6 тыс. человек и заставит правительство уступить. После этого собрания власти установили штраф от 2 до 50 песо или тюремное заключение за любые собрания и шествия. Все было готово к запрету “Общества равенства”. Катализатором стали события в Сан-Фелипе.

6 ноября в Сантьяго пришли известия о восстании игуалитариев в Сан-Фелипе. Новый интендант Б. Мандонес оказался гораздо более жестоким правителем, чем его предшественник. Притеснения игуалитариев в Аконкагуа продолжались. 22 сентября интендант отправил в МВД письмо, в котором информировал о нервной обстановке в провинции. Еще 15 сентября он созвал совещание военных командиров, чтобы оценить состояние своих сил на случай беспорядков или восстания. Офицеры уверяли, что войска ненадежны, так как “солдаты полностью разложены агитацией оппозиции”⁶². Мандонес со дня на день ждал вооруженного выступления, просил помощи у Сантьяго и был готов к самым жестким мерам.

4 ноября интендант приказал снять национальный флаг над зданием, где собирались члены “Общества равенства”. Причиной этого была надпись на белой полосе знамени: “Да здравствует Демократическая республика! Война тиранам!”. Протестовавший против этого акта Лара был арестован и препровожден в казармы гарнизона. Узнав о случившемся, 40 человек во главе с игуалитарием Б. Кальдера собрались у казармы, требуя освобождения своего лидера. В ответ Мандонес арестовал и Кальдера. “Все ремесленники и рабочий класс города были призваны для освобождения своих вождей. После ареста Кальдеры возбуждение достигло максимума, и в 5 часов вечера произошло нападение на казарму”⁶³. Не встречая сопротивления со стороны военных, около 600–800 вооруженных людей, в основном ремесленники, собрались на площади для освобождения Лары и Кальдеры. В ходе беспорядков сопротивлявшегося Мандонеса ранили кинжалом и арестовали, оставив в казарме под стражей⁶⁴. Его участь разделил и начальник полиции.

5 ноября в муниципалитете Сан-Фелипе была создана Правительственная хунта в составе двух военных командиров и Лары. Войска, подчиняясь своим начальникам, оставались в казармах. Эти военные поддерживали игуалитариев⁶⁵. В отчете об этих событиях, направленном в МВД, отмечалось, что «главными участниками восстания яв-

⁶⁰ ANCH, Archivo Santa Maria, A4284.

⁶¹ *Bilbao M.* Op. cit., t. 2, p. 33.

⁶² ANCH, MI, v. 284.

⁶³ Копии отчетов в МВД от 8 ноября 1850 г. – ANCH, Gobernación, Fondo Gobernación de los Andes, v. 36.

⁶⁴ Письмо Санта-Росы в департамент МВД от 5 ноября 1850 г. – *Ibidem*.

⁶⁵ Отчет интенданта Аконкагуа о восстании в Сан-Фелипе от 6 ноября 1850 г. – *Ibidem*.

лялись ремесленники, подстрекаемые “Обществом равенства” и Ларой»⁶⁶. Хунта подчинила себе все местные войска и с позиции силы вступила в переговоры с Сантьяго.

Хунта отправила письмо Бульнесу с объяснениями происшедшего, желая найти мирный выход из создавшегося положения. Лидеры восставших сами были перепуганы размахом и радикализмом движения, решимостью ремесленников сражаться. Чтобы потушить этот пожар, они стремились к любому компромиссу с властью. На следующий день после восстания, 6 ноября, хунта приняла заявление, поддержанное муниципалитетом Сан-Фелипе: она соглашалась сложить оружие и принять новую назначенную власть при условии освобождения Кальдеры и Лары под залог; власти должны были пообещать не привлекать к суду участников восстания; интендант должен отозвать приказ о запрещении “Общества равенства”⁶⁷. Такое пораженческое заявление восставших утвердило власти в желании расправиться с игуалитариями Аконкагуа. Президент Бульнес назначил новым интендантом командующего войсками провинции. Тот тут же послал в Сан-Фелипе батальон пехоты и кавалерийский эскадрон. Новый интендант желал абсолютной победы и сообщил в Сантьяго об отказе восставших от переговоров и попросил подкрепления.

28 ноября 1850 г. интендант доложил о полном подавлении восстания в Сан-Фелипе. Игуалитарии сами сложили оружие. Испанский посланник в Чили так описывал эти события: “К счастью, этот народ не привык к революциям. Игуалитарии предложили правительству переговоры, но оно, уверенное в своих силах, их отвергло и потребовало сдачи. Мятежники сразу же сложили оружие”⁶⁸.

События в Сан-Фелипе подогрели страсти в столице. В Сантьяго игуалитарии почитали, что пришло время для всеобщего восстания. 6 ноября либералы издали манифест “Основы реформы”, написанный Х.В. Ластаррией и Ф. Эррасурисом. Некоторые идеи либералов перекликались с принципами, защищаемыми игуалитариями, в частности муниципализация системы власти и особое внимание к народному просвещению⁶⁹. Документ призывал сторонников оппозиции к более решительным действиям. События в Сан-Фелипе заставили либералов и игуалитариев в Сантьяго поверить в возможность народного восстания и быстрого захвата верховной власти.

На следующий день, 7 ноября, Государственный совет объявил осадное положение в провинциях Сантьяго и Аконкагуа сроком на 70 дней. Полиция ночью произвела аресты лидеров либералов и игуалитариев. Были взяты под стражу Ластаррия, Герреро, Лильо, Сапиола, Ларрачеа. Ф. Бильбао, переодевшись женщиной, скрывался, а затем бежал в Вальпараисо. Аркоса арестовали только 23 ноября. Ремесленников посадили в тюрьму, а богатых креолов выслали из столицы. Вместо обещанных Бильбао тысяч ремесленников на его призыв откликнулись 300 человек из рабочего пригорода Сан-Мигель, но их быстро разогнали солдаты⁷⁰. Большинство ремесленников по призыву властей явились на призывные пункты Гражданской гвардии. Никаких беспорядков не последовало. Убедившись в бессилии оппозиции, власти 9 ноября запретили и само “Общество равенства”. Публикуя декрет о запрете, официальный орган правительства “Аракуано” писал: «Оппозиция с каждым днем все сильнее нападала на основы порядка... проповедовала войну бедных против богатых. Они брали пример с Французской революции. “Общество равенства” превратилось в очаг восстания и революций»⁷¹.

Ф. Бильбао пытался организовать подпольные группы. Через день после запрета, 11 ноября, появился подпольный листок “Игуалитарии”. В его первом номере содержались призывы к борьбе, повторялись социалистические принципы “Общества равен-

⁶⁶ Отчет в МВД от 8 ноября 1850 г. – Ibidem.

⁶⁷ Заявление хунты Сан-Фелипе от 6 ноября 1850 г. – Ibidem.

⁶⁸ AGMAEC, Fondo Correspondencia y legaciones, Chile. 1838–1855, Signatura H.-1437, № 193.

⁶⁹ Lastarria J.V., Errázuriz F. Bases de la Reforma. Santiago, 1850, p. 4–21.

⁷⁰ Romero L.A. La Sociedad de Igualdad. Los artesanos de Santiago de Chile y sus primeras experiencias políticas, 1820–1851. Buenos Aires, 1978, p. 65–66.

⁷¹ El Araucano, Santiago, 9.XI.1850.

ства”: “Мы все братья, и близко время равенства, когда не будет ни господ, ни рабов, ни угнетателей, ни угнетенных!... Наше общество запрещено, но оно будет жить! Все члены должны сохранять свои членские билеты. Наше слово уйдет в подполье, но обязательно вырвется на свободу. Мы продолжаем непреклонную войну с деспотизмом!”⁷². Следующие номера признали поражение легальной борьбы и призывали противостоять правительству всеми доступными средствами. Ф. Бильбао призывал создавать “группы связи”, чтобы затем на их основе воссоздать “Общество”. Однако это были лишь мечты и иллюзии.

Решительными полицейскими мерами оппозиция была обезглавлена, а “Общество равенства” уничтожено. 14 декабря собрался конгресс, в котором уже не осталось либералов. Ввиду полного спокойствия осадное положение было отменено, восстановлена свобода слова. Даже газета игуалитариев “Ла Барра” возобновила свои выпуски. В феврале 1851 г. небольшая группа игуалитариев попыталась воссоздать “Общество”, но их собрание разогнали, участников оштрафовали или подвергли аресту. Более попыток восстановления “Общества равенства” не предпринималось. Ушедшие в подполье либералы и игуалитарии стали готовить военный мятеж, чтобы одним ударом покончить с консервативным режимом. Ф. Бильбао был уверен, что ему удастся покрыть Сантьяго баррикадами. Совершенно непонятная самоуверенность, особенно после провала сопротивления в ноябре.

20 апреля 1851 г. в Пасхальное воскресенье в Сантьяго восстали части под командованием полковника П. Урриолы. Подчинявшиеся ему войска попытались занять казармы артиллерийского полка и привлечь его на свою сторону. Много времени потратили на ожидания и переговоры. Руководители путча не решились идти к президентскому дворцу, упустили время и дали властям возможность собрать силы. Гражданские инсургенты также вышли на улицу. Ф. Бильбао попытался построить баррикаду на французский манер. Эта попытка закончилась анекдотично. Улицу перекрыли тем, что нашли под рукой, это оказались мешки с орехами. Однако местные жители стали растаскивать орехи, и баррикада растаяла до прихода противника сама собой. Между тем правительственные войска, в основном Гражданская гвардия, т.е. те же ремесленники недавние игуалитарии, несмотря на героическое сопротивление восставших, подавили мятеж. Лидеры восстания бежали. Полковник Урриола заплатил своей жизнью за эту авантюру. Всего в результате боев в Сантьяго погибли 200 человек⁷³. Через несколько месяцев началась волна либеральных восстаний по всей стране. Везде либералы действовали совместно с игуалитариями и частью военных. 7 сентября восстала Ла-Серена, 13 сентября – Консепсьон, 28 октября – Вальпараисо. Страна погрузилась в пучину широкомасштабной гражданской войны, победителем из которой вышло консервативное правительство.

После поражения всех восстаний 1851 г. закончился самый серьезный кризис консервативного режима в Чили. Монтт (он президентствовал с 1851 по 1861 г.) был вынужден начать реформы, поддержанные либералами и консерваторами. В 1857 г. он создал Национальную партию, в которую вошла часть либералов и консерваторов. Начался процесс либерализации режима. После событий 1850–1851 гг., и прежде всего в результате деятельности “Общества равенства”, в Чили стало невозможным сохранение клерикально-консервативного режима.

* * *

Середина XIX в. в Чили ознаменовалась событиями и явлениями, имевшими переломное значение для судьбы страны. То, что называют “чилийским 48-м годом”, стало результатом сочетания разных политических и социальных явлений, имевших порой различную природу. Радикальная университетская молодежь, воспринявшая революционные идеи европейского 1848-го года, искала союзников не только среди либеральных политиков, но и главным образом в народной массе, среди ремесленников и рабочих.

⁷² El Iguualitario, 10.XI.1850. – ANCH, Fondo Benjamin Vucuña Mackenna, v. 33-34, h. 121–122.

⁷³ Collier S., Sater W.F. A History of Chile, 1808–1994. London, 1996, p. 107.

С развитием экономики, появлением новых социальных слоев, прежде всего наемных работников, а также целой армии шахтеров, матросов торгового флота, рабочих транспорта и других социальный статус ремесленников понизился. В условиях модернизации ранее уважаемое и сильное сословие должно было искать новые формы социализации. На месте исчезающих традиционных цехов, братств должно было появиться нечто новое. “Общество равенства” предложило такие формы в виде гражданской ассоциации и активного участия ранее аполитичных слоев населения в политической жизни страны. Заслуга “Общества равенства” состоит в том, что оно создало формы социальной мобилизации “старых” сословий в условиях модернизации.

Огромное идейное влияние республиканизма и социализма Французской революции 1848 г. породило чилийский эгалитаризм и утопический социализм. Либеральные идеи, особенно в революционный период либерализма, содержали в себе значительный “горизонт утопии”, т.е. такие высокие ценности и идеальные цели, которые на практике были недостижимы. Внутри либерализма существовало и развивалось утопическое течение, формулировавшее социалистические идеи. “Общество равенства” было результатом слияния различных либерально-демократических и социалистических течений, противостоящих чилийскому консервативно-клерикальному истеблишменту.

Если в последствии большинство игуалитариев так или иначе вернулись в лоно либерализма, то их идеи были взяты на вооружение пришедшими им на смену левыми радикалами, анархистами и социалистами всех направлений, более не видевших в либерализме революционной силы преобразований в чилийском обществе. Несмотря на свое политическое поражение, “Общество равенства” оставило огромный след в чилийской истории, став отправным пунктом формирования современной политической системы Чили в XX в. Был создан новый тип политической организации, прототип современной партии, были введены в практику новые формы социальной мобилизации. Результат деятельности игуалитариев можно приравнять к революции, подобной тем, что произошли в Европе в 1848 г. “Общество равенства” дало основу для будущего возникновения таких мощных политических движений в Чили, как радикализм и социализм. Идеалы игуалитариев оставались в умах чилийской интеллигенции на протяжении XIX и XX вв. Чилийский опыт “Общества равенства”, идеи его лидеров Бильбао и Аркоса свидетельствовали о включенности такого далекого региона, как Южная Америка, в общий процесс формирования единого всемирного социально-политического и интеллектуального пространства, первым провозвестником которого была европейская революция 1848 г.